

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

**Русская этимология и лексикография
в исследованиях Д.Ю. Кобякова**

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты исследовательской деятельности русского филолога Д.Ю. Кобякова (1898–1978) в области этимологии и лексикографии.

The article observes some aspects of scientific studyings in etymology and lexicography by russian philologist D.Y. Kobyakov (1898–1978).

Ключевые слова: русский язык, этимология, лексикография, этимологический словарь, Д.Ю. Кобяков.

Russian language, etymology, lexicography, etymological dictionary, D.Y. Kobyakov.

УДК: 83'373.6.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: marin@filo.asu.ru.

Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898–1978) – поэт, прозаик и филолог, один из ярких представителей русского зарубежья, прошедший последние двадцать лет жизни (1958–1978) в Барнауле. Кобяков прожил сложную и насыщенную драматическими событиями жизнь, а биография писателя, в силу большого числа «белых пятен», вполне может стать темой отдельного научного исследования. Д.Ю. Кобяков родился 8 (21) июля 1898 г. в Москве в семье театральных деятелей. В 1916 г., будучи гимназистом, он ушел на фронт, служил санитаром в 216-м пехотном Ахульгинском полку на Кавказе. В 1918 г. Кобяков оказывается в Тифлисе, где знакомится с С.М. Городецким и становится членом литературно-художественного общества «Артистериум». В этом же году он попадает в Одессу, вступает в комсомол, организует Рабочий киноуниверситет, становится его ректором. Среди профессоров этого необычного учебного заведения были Д.Н. Овсянко-Куликовский, читавший лекции по языкознанию, и М.Г. Попруженко, специалист по славянской мифологии. Здесь, в Одессе, в 1918 г. была опубликована лекция Д.Ю. Кобякова о происхождении русских слов. Перипетии гражданской войны приводят молодого поэта в Крым, откуда он в 1920 г. вместе с остатками белой армии эвакуировался в Югославию. Далее – Австрия, Чехословакия и, наконец, с 1924 г. – Париж, где писатель, по собственным словам, «застрял на многие годы» [ЦХАФ АК₂, Л. 1]. В Париже Д.Ю. Кобяков редактировал журнал «Ухват», его стихи публиковались в эмигрантской периодике, отдельным изданием вышли 4 поэтических сборника. Круг его творческих контактов в этот период достаточно широк: М.И. Цветаева, И.А. Бунин, В.В. Маяковский, А.И. Куприн, Н.А. Тэффи, В.В. Набоков, Саша Черный, А.М. Ремизов, М.А. Осоргин и даже У. Дисней. Во Франции Кобяков продолжил свое образование: он учится в Русском народном университете на электротехническом факультете и в то же время в 1924–1926 гг. в Коллеж де Франс посещает лекции известного филолога-слависта А. Мазона, занимается под его руково-

дством научной работой. После начала Великой отечественной войны, Д.Ю. Кобяков вступил в Сопротивление, участвовал в Парижском восстании 1944 г., был тяжело ранен, стал членом компартии Франции. В 1946 г. он редактирует просоветский журнал на русском языке «Новая земля», принимает советское гражданство, добивается разрешения на возвращение в СССР. Лишь в 1958 г. он получает разрешение на въезд в СССР и проживание в г. Барнауле. Именно здесь Кобяков реализует свой интерес к лексикологии, который зародился у него еще в период гражданской войны. С 1958 г. писатель вел рубрику «Уголок филологии» в газете «Алтайская правда», в 1966 г. читал лекции по русскому языку и литературе в Барнаульском государственном педагогическом институте (БГПИ), занимался просветительской деятельностью, основная тематика которой – русская лексика, ее история и этимология. Результат лексикологических изысканий Д.Ю. Кобякова воплотился в целом ряде изданий: «Бессмертный дар» (1965, 1971, 1973 гг.) [Кобяков, 1973], «Приключения слов» (1966, 1975 гг.) [Кобяков, 1975], «Слова и люди» (1976, 1977 гг.) [Кобяков, 1976], а также в неопубликованной рукописи «Из тьмы веков (краткий словарь древнерусского языка)» (1975 г.) [ЦХАФ АК₃]. С 1973 г. Д.Ю. Кобяков – член Литфонда СП СССР. Скончался писатель 22 января 1978 г. (более подробную информацию о биографии Д.Ю. Кобякова см. в нашей работе [Марьин, 2008, с. 132–136]).

Анализ работ Д.Ю. Кобякова по истории и этимологии русской лексики позволяет утверждать, что эти исследования развивались в направлении *от лексикологии к лексикографии*. Заметим: изыскания Кобякова к области академических исследований отнести нельзя. Их ближайший аналог – книги Л.В. Успенского и, в частности, «Слово о словах (очерки о языке)» [Успенский, 1960], где представлено научно-популярное освещение лингвистической проблематики. Однако, исследования Кобякова имеют и существенное отличие: если «Слово о словах» Л.В. Успенского – это скорее популярный учебник по общему языкознанию, где в занимательной форме излагаются основы науки о языке (способы соединения морфем в слове и морфологическая классификация языков мира, понятие «языковая семья» и принципы генеалогической классификации, аспекты связи языка и мышления, особенности национальной картины мира, реализуемые в языке, некоторые вопросы происхождения языка [Успенский, 1960, с. 46–68, 105–121, 291–303] и др.), то все работы Кобякова посвящены исключительно лексике, а именно: происхождению и истории слов русского языка. Сам автор определял жанр своих работ как «рассказы о словах» [ЦХАФ АК₄, Л. 14], критики и рецензенты – как «наблюдения» и «записки» о языке [Федосюк, 1971]. Тем не менее, в своих исследованиях Кобяков стремился к тому, чтобы дать описание значения и происхождения слова в форме, приближенной к словарной статье, опираясь при этом на данные словарей (этимологических, толковых) и анализ контекстов употребления слова в памятниках письменности. О научном подходе к интерпретации материала свидетельствует и то обстоятельство, что одна из книг – «Бессмертный дар» – задумана автором как основа для будущей диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, но «книгу так испортили редакторы, что отправлять ее на суд Ученого комитета я уже не мог», – писал позже Кобяков [ЦХАФ АК₅, Л. 63]. Более того, работа в Париже под научным руководством А. Мазона позволяла самому Кобякову считать себя профессиональным филологом [ЦХАФ АК₅, Л. 17]. Лексикографическое наследие Д.Ю. Кобякова *по способу презентации материала* можно разделить на две части: работы в жанре традиционного («статического») лексикографического описания и работы в жанре «нарративного» лексикографического описания.

Большую часть лексикографического наследия Д.Ю. Кобякова составляют работы в жанре **«нарративного» лексикографического описания** [Кобяков, 1973; 1975; 1976]. Все они созданы на основе одного материала, который в каждом последующем издании автором незначительно дополнялся или по-новому

структурировался. Наибольший интерес здесь представляет книга «Бессмертный дар» [Кобяков, 1973], работу над которой Кобяков начал еще в Париже. Материал книги разбит на 15 глав, каждая из которых включает в себя несколько описаний, напоминающих по форме словарные статьи. Такие статьи построены по *гнездовому принципу*: в статье, посвященной определенному слову, приводятся производные от него слова. Заметим, что гнездовой принцип реализован в этимологическом словаре А.Г. Преображенского [Преображенский, 1958], историко-этимологическом словаре П.Я. Черных [Черных, 1994] и, по мнению многих лексикографов, является наиболее информативным, так как набор и структура производных слов часто оказываются полезными для суждения о происхождении исходного слова. «Приключения слов» снабжалась даже специальным словоуказателем, где перечислялись все анализируемые в работе слова (всего 222) [Кобяков, 1975, с. 88–94], что еще более усиливало аналогию со словарем. Все статьи имеют сходную внутреннюю структуру: заглавное (объясняемое) слово, толкование его значения (в случае необходимости), этимология, затем следуют ссылки на словари, приводятся производные слова, иногда синонимы или омонимы, иллюстративный материал. Образец оформления статьи:

М у с к у л . Забавно отметить, что мышца по латыни называется *musculus* (мускулус), что означает «мышонок». Ведь игра мускулов под кожей напоминает беготню мыши!

Наше русское слово «мышца» тоже получилось от «мышы». В словаре Нордстета отмечено: мышца – мускул и мышце – большая мышь. По И.И. Срезневскому, в древнерусском языке «мышьца» значило и мускул и мышь. До сих пор у нас осталось слово «подмышки» [Кобяков, 1973, с. 77–78].

Нередко описание значения и происхождения слова расширяется за счет *расказа*. Например, в статье «мультипликационный фильм» этимология слова «мультипликационный» дополняется рассказом о парижском знакомстве Кобякова с известным создателем мультфильмов У. Диснеем и об истории возникновения популярного персонажа Микки-Мауса [Там же, с. 146]; при объяснении происхождения слова «табак», автор рассказывает об истории появления табака в Европе, происхождения французского фразеологизма *passer à tabac* («пропустить через табак», т.е. «избить») [Там же, с. 180], вскрывая тем самым особенности «культурного фона» и актуализируя «культурные коннотации» [Маслова, 2004, с. 50–51] лексических и фразеологических единиц. Таким образом, этимологический анализ слова в работах Д.Ю. Кобякова дополняется и расширяется за счет лингвокультурологического. Кроме этого, словарные статьи внутри глав часто объединяются в тематические группы по семантическому и/или генетическому признакам, образуя связные смысловые блоки, например: *орало – соха – пахать – поле – нива – злаки – злачный* [Кобяков, 1973, с. 49–51]; *лист – фолиант – страница – страна – иностранный – басурман* [Там же, с. 40–43] или: *крин – лилия (Nimphaea) – нимфа – сирена* [Там же, с. 13–14] и др. Указанные приемы придают лексикографическому описанию своеобразную нарративность, за счет чего значительно расширяется его информативность. Принцип *нарративного* лексикографического описания может быть противопоставлен принципу, реализованному в словарях академического типа, где слово анализируется *изолированно* (уже расположение слов в алфавитном порядке предполагает некий внешний, не зависящий от семантики или словообразовательных связей, принцип) и, как правило, только по *одному-двум признакам* (например, толкование значения и этимология). Такой принцип в противоположность нарративному может быть назван *статическим*.

Представление о собственно этимологическом анализе, проведенном Кобяковым, может дать таблица 1, в которой представлено сравнение некоторых этимологий Кобякова с этимологиями наиболее авторитетных словарей, объясняю-

щих происхождение слов русского языка, а также «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль, 1956], фиксирующим в ряде случаев генетические и словообразовательные связи слова.

Таблица 1.

Кобяков	[Преображенский, 1958]	[Фасмер, 1964-1973]	[Шанский, 1971]	[Черных, 1994]	[Даль, 1956]
Блюдо←Блюсти, соблюдать [ЦХАФ АК ₆ , Л. 1]	Блюдо←готск. biuds («стол») ← biudan («предлагать») [с. 69]. Блюсти←о.с. *būd- ←и.-е. *bheudh- ср. с сскр. bodhami («замечаю, наблюдаю») [с. 69]	Блюдо←готск. biuþs («стол, миска») [Т. 1, с. 178]. Блюсти – родств. лит. baudžiū («принуждать»), авест. baodaitē («наблюдает, замечает») [Т. 1, с. 178].	Блюдо←готск. biuþis («стол, миска») ← biudan («предлагать») [с. 50]. Блюсти – однокор. с Бдеть, бывать, ср. с лит. baūsti («наказывать») [с. 178].	1) Блюдо←о.с. *bljudo , заимств. из готского, либо: 2) Блюдо←и.-е. *bheudh- («беречь, соблюдать») [Т. 1, с. 96–97]. Блюсти←о.с. *bljusti ←и.-е. *bheudh- («бодрствовать, наблюдать») [Т. 1, с. 97].	Блюдо однокор. с <i>блюсти</i> [Т. 1, с. 100].
Махорка←Амерфорный табак ←мерхорный ←фр. amerfort («горько-крепкий») [Кобяков, 1973, с. 181]	---	Махорка←амерфортский ← Amersfoort (название города в Нидерландах) [Т. 2, с. 585].	---	Махорка – от названия гол. г. Амерсфорт, славившегося своей табачной промышленностью [Т. 1, с. 516].	Махорка – «переименовано из <i>амерфортский</i> » [Т. 2, с. 309].
Крин ←др.греч. κρίνον («лилия») [Кобяков, 1973, с. 13], однокор. с <i>криница</i> [ЦХАФ АК ₆ , Л. 1].	Крин←др.греч. κρίνον («лилия») [с. 386].	Крин←др.греч. κρίνον («лилия») [Т. 2, с. 377]	---	---	Крин – однокор. с <i>криница, кринка</i> [Т. 2, с. 194]
Графин←фр. carafe ←араб. giraf («мера сыпучих тел») [Кобяков, 1973, с. 56].	Графин←нем. carafe, carafine ←араб. garafa («черпать»), giraf («мера сыпучих тел») [с. 193].	Графин←фр. carafine ←ит. Caraffina ←араб. caraffa [Т. 1, с. 453].	Графин←нем. Karaffine ←ит. caraffina , восх. к араб. [с. 113].	Графин←нем. Karaffe ←фр. carafe , исп. garafa ←араб. garafa («черпать») [Т. 1, с. 213–214].	---

Жираф - из зап. евр. языков от араб. giraf («мера сыпучих тел») [Кобяков, 1973, с. 56].	---	Жираф←фр. girafe ←ит. giraffa ←араб. zurāfa [Т. 2, с. 56].	Жираф←фр. girafe ←ит. giraffa ←араб. zarāfa [с. 142].	Жираф←фр. girafe ←ит. Giraffe ←араб. zarāfa, zurāfa [Т. 1, с. 304].	Жираф (ги-раф) - двукопытное животное с низким задом и несобственно долгою шеей [Т. 2, с. 542].
Шапка — др. рус. заимств. из старофр. chape , восх. к лат. capra (корень cap -) [Кобяков, 1973, с. 86; 1975, с. 77].	Шапка ←польск. čapka	Шапка←польск. czapka ←ст. фр chapel , chape ←лат. capra [Т. 4, с. 406].	Шапка — др. рус. заимств. из старофр. chape , восх. к лат. capra «род убора» [с. 500].	Шапка←ст. фр. chape, chapel [Т. 2, с. 404].	---
Капрал←ит. caporale ←лат. cap -(caput — «голова») [Кобяков, 1973, с. 91]	Капрал — заимств. через польский из зап. европ. языков (ит. caporale , фр. caporal и др.), восх. к лат. corpus [с. 333].	Капрал←нем. Kapral ←ит. caporale («мл. командир») [Т. 2, с. 187].	---	---	---

В большинстве случаев этимологический анализ слов, проведенный Кобяковым не противоречит этимологиям указанных словарей (см., например, *крин*, *шапка*). В случае со словом *крин* в рукописи работы «Слова и люди» автор возводил к корню *крин-* (др. греч. **κρίνον**) также слова *криница*, *кринка* (на что, кстати, указывает и словарь В.И. Даля), но после критического разбора рецензентом при публикации книги упоминание о родстве слов *крин*, *криница* и *кринка* было снято. Ошибочным было признано и утверждение Кобякова о родстве слов *блюдо* и *блюсти*, которое, действительно, противоречило данным существовавших на тот момент этимологических словарей ([Преображенский, 1958], [Фасмер, 1964–1973], [Шанский, 1971]). Однако, в историко-этимологическом словаре П.Я. Черных, вышедшем в 1994 г. (но подготовленном еще в 1970 г.) версия о происхождении слов *блюдо* и *блюсти* от одного индоевропейского корня **bheudh* рассматривается уже в качестве полноценной. Заметим, что Д.Ю. Кобяков хорошо был знаком с прижизненными работами П.Я. Черных по истории и этимологии, и даже ссылается на некоторые из них в своих книгах (см., например: [Кобяков, 1976, с. 81]). В ряде случаев Кобяков самостоятельно решает вопрос о происхождении некоторых слов. Так слова *жираф* и *графин* возводятся к одному арабскому слову *giraf* («мера сыпучих тел»), что и сегодня противоречит данным всех этимологических сло-

варей. Не избежал писатель и откровенно курьезных мотивировок. Например, слово *махорка* он возводит к французскому словосочетанию *amer fort*, т.е. «горько-крепкий», в то время как традиционная версия происхождения этого слова в качестве источника называет топоним *Амерсфорт* (город в Голландии). В рукописи «Слова и люди» слово *трамвай* Кобяков почему-то возводил к фамилии бельгийского инженера, строившего первую трамвайную линию в России [ЦХАФ АК₆, Л. 1], и хотя при публикации от этой версии пришлось отказаться, но в книге «Бессмертный дар» автор приводит ее в качестве примера «народной этимологии» [Кобяков, 1973, с. 133].

Одна из заслуг Д.Ю. Кобякова, безусловно, заключается в том, что он одним из первых обратил внимание на язык русского зарубежья, и в своих книгах рассматривал значение и происхождение некоторых слов, употреблявшихся в среде русской эмиграции во Франции, например: *пропустить через табак* (т.е. «избить»), *бистро*, *оживленные рисунки* (т.е. мультфильмы – калька с фр. *dessens anime*) или *крестословица* (использовавшееся и самим Кобяковым в качестве названия соответствующей рубрики в издаваемом им в Париже журнале «Новая земля» (1946 г.), т.е. калька с англ. *crossword* через фр. *mots croises*, а в современный русский язык вошедшее как «кроссворд») и т.д. В книгах Кобякова нашлось место и для слов, появившихся в период гражданской войны (*разменять*, *отправить к Духонину*, *к стенке* – т.е. «расстрелять») [Кобяков, 1973, с. 31], и для лексик 20–30-х гг. XX века (*загсироваться*, *коктейль*, *рубать*, *зачитать* и др.), в чем можно усмотреть влияние А. Мазона, посвятившего изменениям в русской лексике в годы революции и гражданской войны отдельную работу.

В книге «Слова и люди» Д.Ю. Кобяков останавливается и на значении некоторых «сибирских» слов [Кобяков, 1976, с. 14–16]. Соотношение зафиксированных диалектизмов и их значений с данными «Словаря русских говоров Алтая» (СРГА) [Словарь русских говоров Алтая, 1993–1998] удобно проследить по таблице 2.

Таблица 2.

[Кобяков, 1976, с. 14-16].	[СРГА, 1993-1998]
<i>Сибиринка</i> – т.е. «сибирячка»	Отсутствует, но есть <i>сибири</i> – «сибиряки-старожилы» [Т. 4, с. 77].
<i>Лопатина</i> – «лопата»	---
<i>Лестовка</i> – «подпояска»	Отсутствует, но есть <i>лестовица</i> – «старобрядческие четки» [Т. 3. Ч. 1, с. 25].
<i>Дрын</i> – «палка»	<i>Дрын</i> – «палка, жердь, кол, дубина» [Т. 2. Ч. 1, с. 50].
<i>Крыльцы</i> – «заплечья»	<i>Крыльце</i> – « » [Т. 2. Ч. 2, с. 110].
<i>Ладить</i> – «лечить»	<i>Ладить</i> [Т. 3. Ч. 1, с. 6], но в данном значении отсутствует.
<i>Варнак</i> – «разбойник»	<i>Варнак</i> – бран. шутол. «разбойник» [Т. 1, с. 12].
<i>Шар</i> – «глаз»	---
<i>Обласок</i> – «лодка»	<i>Обласок</i> – «долбленая лодка» [Т. 3. Ч. 1, с. 169].
<i>Улка</i> – т.е. «улица»	<i>Улка</i> – «улица» [Т. 4, с. 176].
<i>Лахудра</i> – «неопрятная женщина»	<i>Лахудра</i> – «неопрятная женщина» [Т. 3. Ч. 1, с. 14].
<i>Убежница</i> – «беглянка»	---

К сожалению, Д.Ю. Кобяков не указывает более точной региональной принадлежности (какой регион Сибири?) и не приводит историко-этимологического анализа данных «сибирских» слов. В настоящее время эта задача на материале

алтайских говоров решается в проекте «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая» [Историко-этимологический словарь, 2007].

Всего в книге «Бессмертный дар» анализируется 278 заглавных и 322 производных слова (итого 600), в «Приключения слов» – 222 слова, в «Слова и люди» – 340. Поражает и обилие источников, которые привлечены автором в качестве иллюстративного материала. В книге «Бессмертный дар» их 385 – от творений русских писцов XI в. до произведений писателей второй половины XX в. И это не считая словарей (18) – толковых, этимологических, иноязычных, среди которых, например, такой редкий, как словарь Нордстета [Нордстет, 1780–1782].

Этимологические изыскания Д.Ю. Кобякова, которые главным образом представлены именно в работах в жанре нарративного лексикографического описания, получили неоднозначную оценку среди специалистов. Одни, как академик А.И. Белецкий (1884–1961), резко отрицательно отнеслись к исследованиям Кобякова, другие, как профессор НГУ, д.ф.н. К.А. Тимофеев и доцент БГПИ, к.ф.н. Е.А. Болгова, положительно оценивали работы писателя-филолога и оказывали ему моральную поддержку. Известный писатель Л.С. Соболев называл Кобякова «самым большим ученым Сибири»!

Лексикографические труды Д.Ю. Кобякова не остались незамеченными научной общественностью 60–70-х гг. XX в. Журнал «Русский язык в школе» регулярно рекомендовал книги Кобякова для внеклассного чтения, а сам писатель-филолог принимал участие в работе межвузовской научно-методической конференции «Внеклассная работа по русскому языку», состоявшейся 13–16 декабря 1966 г. в Ивановском государственном педагогическом институте им. Д.А. Фурманова. Ссылки на работы Д.Ю. Кобякова можно найти и в современных лингвистических исследованиях (см., например: [Демьянков, 2002, с. 148]). Думаем, что в XXI веке книги Д.Ю. Кобякова могут использоваться в качестве пропедевтического курса русской этимологии.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1956.
- Демьянков В.З. Соотношение обыденного языка и лингвистического мета-языка в начале XXI века. // Языкознание: Взгляд в будущее / Отв. ред. Г.И. Берестов. Калининград, 2002.
- Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 2007. Вып. 1: А–Б. / Под ред. Л.И. Шелеповой.
- Кобяков Д.Ю. Бессмертный дар. Повесть о словах. Барнаул, 1973.
- Кобяков Д.Ю. Приключения слов. Барнаул, 1975.
- Кобяков Д.Ю. Слова и люди. Барнаул, 1976.
- Марьин Д.В. Три загадки Дмитрия Кобякова // Алтай. 2008. № 6.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004.
- Нордстет И. Российский с немецким и французским переводами словарь: В 2-х ч. СПб., 1780–1782.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
- Словарь русских говоров Алтая: В 4-х т. / Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964–1973.
- Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК)₁. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 1.

ЦХАФ АК₂. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 19.

ЦХАФ АК₃. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 22.

ЦХАФ АК₄. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 6.

ЦХАФ АК₅. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 20.

ЦХАФ АК₆. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 7.

ЦХАФ АК₇. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 5.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М., 1994.

Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учащихся. М., 1971.